

К 90-летию Николая Рубцова

САМАЯ ЖГУЧАЯ СВЯЗЬ

В восьмидесятые годы прошлого столетия я работал в областной газете с одним человеком, лично знавшим Николая Рубцова: они учились вместе в Литературном институте. Так вот, тот журналист, из которого не получилось писателя (из-за чего он сильно пил горькую), пренебрежительно говорил об однокурснике: «Забулдыга. Умер совсем нелепо. А стихи – так себе, деревенские, разве это нужно в эпоху научно-технической революции?»

Этот мой бывший коллега был не одинок в своих суждениях. Более того, подобных «оценщиков» Рубцова и его поэзии было большинство, даже в кругу его приятелей и мэтров, делавших погоду на тогдашнем литературном Олимпе. Близкий друг поэта Виктор Коротаяев писал на тридцатилетие Рубцова: «Лыс, как пятимесячный ребенок, прост, как погремушечка его». А во вступительной статье к сборнику «Подорожники», вышедшему спустя пять лет после трагической гибели того, чья слава подспудно набирала силу в народе, он, как составитель, извинялся перед читателями за то, что в книгу включены не только зрелые, но и ранние вещи автора, и объяснял это «душевной заинтересованностью близких... обнародовать как можно больше из рубцовского наследия».

И это при том, что тираж книги в 100 000 экземпляров (непомерно огромный для поэзии даже в той, самой читающей в мире стране) был расхвачен в кратчайшие сроки, в том числе – двадцать тысяч в подарочном варианте: твердый переплет, мелованная бумага, довольно высокая цена. Массовый читатель быстро оценил и полюбил Рубцова, в то время как его собратья по цеху и официальные инстанции медлили с признанием Рубцова как выдающегося явления в поэзии XX века. Даже знаменитая формула «у нас любить умеют только мертвых» в данном случае не очень срабатывала.

Давление авторитетов сказывалось долго. Лично я, учившийся в те годы в Москве, впервые обратил внимание на поэта, когда мне попала в руки его тоненькая книжка «Сосен шум». А буквально через месяц узнал о кончине Рубцова от рук женщины, которую он собирался назвать своей женой. Эта история потрясла многих, привлекла еще больше внимания к его личности и творчеству. Проходя практику в издательстве «Современник» и помогая готовить к печати посмертную книгу поэта «Последний пароход», увидевшую свет в 1973 году, я был в ряду приверженцев «тихой лирики» Рубцова и участвовал в спорах по поводу его стихов на посиделках в Центральном доме литератора. Но нас сражали наповал «евтушенковствующие» сторонники эстрадной поэзии (был как-то на одном из вечеров собственной персоной и сам глава течения), и наши аргументы казались после этого жидковатыми. По-настоящему проникся я незыблемой верой в величие поэзии Рубцова значительно позже, уже в пору зрелости, и мог бы дать теперь зубодробительную отповедь противникам, но...

Но – времена круто изменились. Нет уже той страны, которая поднимала на щит своих витийствующих трубадуров с их разрешенным верхами пощипыванием режима и не замечала, а то и намеренно замалчивала «тихих» пророков, среди которых (ныне уже очевидно) был Николай Рубцов.

Кстати, у него при жизни-то и было всего три заметных книжки, вышедших в Москве – «Звезда полей», «Сосен шум», «Зеленые цветы», сигнальный экземпляр последней он получил перед самой смертью. Другие два малотиражных сборника, напечатанные в Вологде, можно в расчет не принимать. Это потом он довольно регулярно издавался в ответ на широко разросшуюся посмертную славу. Он и поныне выходит, правда, уже совсем скромными тиражами, соответствующими рыночному времени, не жалуящему никакую поэзию – ни становящуюся на крыло, ни даже великую.

Зато, говорят, Рубцову поставлено уже несколько памятников в разных городах и весях, есть улицы, названные его именем, его стихотворные тексты вовсю эксплуатируются для нужд шоу-бизнеса, учреждена литературная премия имени Рубцова по названию одного из самых трогательных его стихотворений – «Звезда полей», ставшего народной песней, его жизнь и творчество вошли в школьные учебники и хрестоматии. Он – классик, посмертно покрытый глянцем и елеем. Впрочем, Рубцов не был бы Рубцовым, если бы еще в ранних стихах, как бы предвидя эту свою судьбу, добродушно не отпарировал:

*Мое слово верное прозвучит!
Буду я, наверное, знаменит!
Мне поставят памятник на селе!
Буду я и каменный навеселе!*
(«Шутка»)

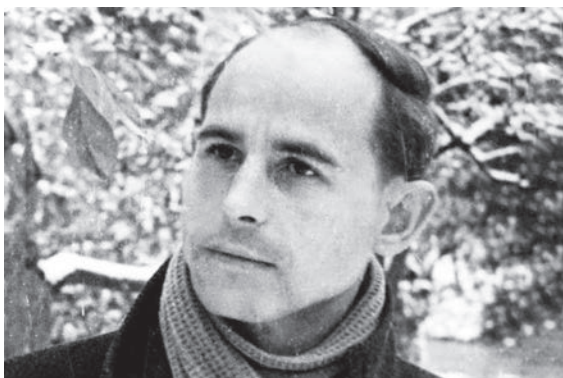
Теперь, в пору безоговорочного официального и национального признания, трудно различить среди тысяч почитателей действительно любящих и ценящих слово Рубцова. «Пусть нас меньше почитают, но больше читают», – сказал в сердцах кто-то из великих. В ряде городов России действуют даже центры имени Рубцова, где ежегодно устраиваются чинноблагородные «рубцовские чтения». Для заполнения залов, разумеется, загоняются толпы школьников и студентов, приглашаются актеры-декламаторы, заседания «освящаются» присутствием представителей власти. Но разве это показатель народной любви к поэту? Общение с большим талантом, особенно – с лириком чистейшей воды, каким был и остается Рубцов, – процесс глубоко личный, камерный, интимный. Но много ли мы видим людей, сидящих в одиночку над книгой поэта или самозабвенно читающих вслух близким людям его стихи? Увы, увыв...

Сейчас так практически никого не читают, особенно после накрывшей всё художественное творчество мутной пены постмодернизма. Но рано или поздно надо выбираться из этой трясины. И верным ориентиром для всех, умеющих отличать чистое золото поэзии от подделок или ищущих путь к нему, может служить заветное наследие Николая Рубцова.

В приведенном выше отзыве друга поэта, сказанном в пусть и полупутливой форме, обидно цепляет «прост, как погремушка». В отличие от большинства шаманствовавших у жертвенного треножника поэзии в 60–70-х годах прошлого века и державших в напряжении целые стадионы (сейчас в это почти невозможно поверить!), выходец из глухой провинции, по обстоятельствам судьбы – неприкаянный, непрактичный, к тому же равнодушный к спиртному, по причине чего не раз попадавший в неприятные истории, Николай Рубцов в своем творчестве был аристократом духа в лучшем смысле этого понятия, классически ясным и кристально чистым мыслью и сердцем. И если это была простота, то, пожалуй, та самая «божественная», в которую мечтал впасть, как в ересь, Борис Пастернак. Для автора «Доброго Фили», «Видений на холме», «Ночи на родине», «Берёз», «Философских стихов», «Отплытия»,

«Прощального костра», «Звезды полей» и других поэтических шедевров правда художественная и правда жизни были синонимами и никакого лукавства, закулисных игр с читателями не предполагали.

Если его современники, поэты-«шестидесятники», нередко злоупотребляли исповедальными приемами и интонациями, завлекая читателя в хитросплетения своих далеко не кристально искренних душ, то Рубцов, обращаясь к аудитории, был младенчески открыт, доверителен и задумчив безоглядно:

*О сельские виды!
О, дивное счастье родиться,
В лучах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я,
как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья
и больше не видеть чудес!*

Говорят, что большие поэты в своих даже не программных вещах так или иначе пророчат судьбу — и собственную, и Родины. В стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны» Рубцов сумел окинуть взором провидца и настоящее, и прошлое родной земли, щемящую красоту ее природы, ростки тревожного будущего и свой путь — до могилы и дальше, в образе легкой тени, ощущаемой в народе...

Теперь мы знаем, что так оно и произошло. «Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны, но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей». О себе самом сказано там же — среди водоворота хлынувшей мутным потоком с Запада так называемой «массовой культуры»:

*И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...*

Рубцов в одном из писем признавался: «Особенно люблю темы Родины и скитаний, жизни и смерти, любви и удачи». Здесь, пожалуй, очерчено всё многообразие предметов и явлений, волновавших поэта и нашедших отображение в неповторимых картинах и ассоциациях стиха, пронизанного особой, хватающей за душу, рубцовской радостью, грустью, печалью.

*Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит по улицам деревни,
Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, —*

*Воспрянув духом, выбегу на холм
И всё увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг – везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...
(«Утро»)*

Последние две строки этого стихотворения звучат как заповедь для современников и потомков, ныне в ребяческом азарте рушащих устои, на которых веками жила родная земля, не думая, что другой красоты, даже наподобие чужой, заемной, они не создадут, и горькое отрезвление еще впереди.

Рубцов, который, казалось бы, всей душой был погружен в стихию современного ему бытия, сегодня, в XXI веке, еще более актуален, ибо уничтожение первооснов приняло катастрофические масштабы, грозит перерождением всему роду человеческому, забвением бесценной своей колыбели.

*Ах, я тоже желаю
На просторы вселенной!
Ах, я тоже на небо хочу!
Но в краю незнакомом
Будет грусть неизменной
По родному в окошке лучу.
Жаль мне доброе поле,
Жаль простую избушку,
Жаль над омутом старую ель.
Что ж так жалобно плачет
На болоте кукушка?
Что же не спит по ночам коростель?
(«Песня»)*

Родину, свою любовь к ней, тревогу за нее поэт выразил во многих своих пронзительно-прекрасных стихотворениях. Это, помимо уже названных, «В минуты музыки», «Листья осенние», «Осенние этюды», «Над вечным покоем», «Вологодский пейзаж», «О Московском Кремле», «Привет, Россия...», «Тихая моя Родина», «Сосен шум», «В старом парке», «Детство», «Шумит Катунь», «В пустыне», «В черной долине», «Под ветвями больничных берез»... Почти каждая вещь, помещенная в сборник «Подорожники», самое популярное посмертное издание Рубцова, впечатляет мощью таланта, щедростью души, живой, подспудно будоражащей сердце мыслью о вечном и мгновенном, о жизни и смерти, о красоте высокого и пошлости низкой суеты.

Биография Рубцова внешне не предполагала трепетного отношения к непреходящим ценностям.

Родился он в суровом краю под Архангельском, мать рано умерла, отец, вернувшись с войны, фактически бросил своих детей, несладкая детдомовская жизнь в полуголодные военные годы, отразившаяся пронзительной нотой в его стихотворениях раннего периода творчества, настроила поэта на скитания – по морям, по долам, его бросало из края в край огромной отчизны, простиравшейся на тысячи километров с запада на восток, с севера на юг. Учился в мореходном училище, в лесотехническом и горном техникумах, служил матросом, шихтовщиком на заводе, во время учебы в Литературном институте

тоже часто подрабатывал кем придется. С первой женитьбой не заладилось, в Москве был завлечен в «богемную» жизнь, которая стоила ему отчисления с дневного отделения и новой череды скитаний. Лишь за год до смерти неприкаянный поэт впервые получил квартиру в Вологде, и именно в этот период он тесно сблизился с Людмилой Дербиной, которая в отчаянии подняла на него руки в трагическую январскую ночь 1971 года в ответ на его,

Н. Рубцов и В. Коротаев

мягко выражаясь, неадекватное поведение. «Злой рок» – так объясняет эта женщина свой поступок, за который она отбыла в тюрьме, а освободившись, несет на себе проклятье за причастность к гибели последнего великого русского поэта. Вадим Кожин, исследователь жизни и творчества Рубцова, хорошо знавший его лично, тоже ссылается на некий «рок»: «...нет сомнения, что гибель его не была случайной. В целом ряде стихотворений с полной ясностью выразилось доступное немногим истинным поэтам, остро ощущающим ритм своего бытия, предчувствие близкой смерти».

«Я умру в крещенские морозы...» Это начало страшного своей пророческой силой стихотворения, написанного незадолго до трагической развязки. Такие видения посещали его нередко.

Несмотря на то, что Рубцов не причислял себя к представителям философской лирики, он продолжил и развил лучшие традиции Баратынского, Пушкина, Тютчева, Заболоцкого. И в то же время он – родоначальник нового направления: восторженно-тихого раздумчивого взгляда на мир, на неоглядность времени и пространства, на скромную, но и весьма значительную роль человека как связующего звена между вечностью и «мгновенным сном природы»:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.
(«Тихая моя родина»)*

Его часто сравнивают с Есениным, объявляют вторым после буйного рязанского гения «песенным голосом России». Не принижая ни на йоту великого алтаря любимца миллионов, смею заявить, что Рубцов развил есенинское направление в сторону естественного, непреложного преклонения перед красотой родной земли, сыновней ответственности за ее судьбу, предостережения неразумных ближних от слишком опрометчивых преобразований.

*Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдет на слом!*

*Меня всё терзают грани
Меж городом и селом.
(«Грани»)*

Это не тривиальный отклик на девиз тогдашних властей, призывавших к стиранию граней между городом и селом. Всё стихотворение – тихая просьба к согражданам, к миру, преданному «промышленным заботам» (выражение Е. Баратынского), образумиться, вернуть жизнь к гармонии, когда человеку хотелось бы «как-то сразу жить в городе и в селе».

Рубцов, несомненно, близок к Есенину, но у него множество и своих тем, а что касается образов, интонаций, умозаключений, то здесь он божественно неповторим, соблюдая во всем пушкинское золотое правило «соразмерности и сообразности». Некоторые критики говорят, что в его творческой системе почти отсутствуют пейзажные зарисовки, цветочные эпитеты, яркие средства инструментовки стиха. Это неправда. Всё названное в произведениях Рубцова есть, и вместе с тем оно подчинено его трепетному отношению к слову, экономии при разворачивании впечатляющих картин и выражении заветных мыслей и чувств. В отличие от еще одного замечательного русского поэта, певца красот природы, любви и молодости – Павла Васильева, он не рассыпает перед читателем бисер образов, а дает их в нужном количестве и в нужном месте, делая тем самым еще прозрачнее магический кристалл стиха. К Рубцову, на мой взгляд, подходит расхожее определение поэзии, что это – «лучшие слова в лучшем порядке».

Естественность и ясность у поэта достигаются адекватными художественными приемами – светописью, тонкой музыкальностью, легкими движениями кисти, созданием господствующего колорита, которому не мешает, а, наоборот, помогает изящная графика, бывшая со времен Пушкина достоинством образцов русской поэзии.

Лирика переживаний, одухотворения и очеловечивания природы поднята Николаем Рубцовым на недостижимую современными поэтами высоту. Жаль, что большинство из них об этом не задумываются, токуют, как глухари, слыша только самих себя. Добавить к этому то печальное обстоятельство, что в представлении многих ныне размыты различия между большой поэзией и примитивным версификаторством, несмотря (а может, в силу этого) на приобщение к этому делу еще большего числа людей – чему свидетельство буквально кишаций виршами интернет.

Вот и очередной юбилей Рубцова проходит незаметно, лишь «желтая» пресса вспомнила о нем и обсасывает подробности его гибели, интервьюируя несчастную женщину, влекущую тяжкий крест своего нечаянного, хотелось бы верить, преступления.

Рубцов прожил на свете всего тридцать пять, он пережил возраст Есенина и немного не дотянул до пушкинского. Но как один из самых проникновенных лириков, он стоит в нашем сознании в одном бессмертном ряду светочей русской и мировой поэзии.

САГИН-ГИРЕЙ

